

Водясова Л. П., Учеваткин А. А.

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева», Саранск

**Функции эмотивных междометий в художественном тексте
(на материале романа А. М. Доронина «Кузьма Алексеев»¹)**

**Functions of emotive interjections in the literary text
(based on the novel «Kuzma Alekseyev» of A. M. Doronin)**

УДК 811.511.152.1'367.628

Аннотация. В статье рассматриваются текстообразующие функции эмотивных междометий эрзянского языка. Анализ осуществляется на материале произведения известного мордовского писателя А. М. Доронина «Кузьма Алексеев».

Summary. This article discusses the functions of emotive of Erzya interjections language. The Analysis is carried out on the material of the work of the famous Mordvinian writer A. M. Doronin «Kuzma Alekseyev».

Ключевые слова: текст, контекст, функция, эмотивность, междометие.

Key words: text, context, function, emotive, interjection.

Александр Макарович Доронин – яркий представитель мордовской литературы. Он известный поэт, прозаик, публицист. Многие его произведения переведены на другие языки, прежде всего, русский, марийский, чувашский, удмуртский и т. д.

В творчестве А. М. Доронина большое место занимают романы «Кочкодыкесь – пакся нармунь» («Перепелка – птица полевая») (1993), «Баягань сулейть» («В тени колоколов») (1995), «Кузьма Алексеев» (1998). Эти произведения отличаются эмоциональностью, динамичностью, особой выразительностью. На наш взгляд, поэтическая душа автора продолжает жить и в его прозе. Для передачи внутреннего мироощущения своих персонажей он использует различные языковые средства.

Наш интерес к творчеству А. М. Доронина объясняется прежде всего тем, что в науке в последнее время усилился интерес исследователей к изучению эмоциональной стороны языка. По мнению Ю. М. Малиновича, «в лингвистике нет, пожалуй, ни одной проблемы, будь то проблема установления существенных характеристик языка и его функций, проблема знакового характера языка и его системной организации, где в той или иной мере, образно говоря, не появлялась бы «тень» эмоционально-экспрессивного фактора» [3, 3].

В отечественной лингвистической литературе проблема эмотивности неоднократно рассматривалась в исследованиях В. Ю. Апресяна, Л. Г. Бабенко, Т. А. Графовой, В. И. Шаховского и др. В мордовском языкознании данный вопрос в той или иной степени поднимался в работах О. В. Ериной, М. Д. Имайкиной, Н. И. Рузанкина, Г. В. Рябовой (Жегалиной), Д. В. Цыганкина.

Эмоции и чувства – экстралингвистическая категория, которая отражает в основном субъективное отношение говорящего к высказанному факту, явлению, действию. По мнению Н. И. Рузанкина, это «особая форма познания и отражения действительности, так как человек выступает одновременно и объектом, и субъектом познания, т. е. эмоции связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности» [5, 33].

Эмоциональные явления способны выражать как положительную, так и отрицательную тональность эмоций. Так, К. Э. Изард выделяет десять основных эмоций: радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, интерес, вину [1, 13]. Отображением их

¹ Доронин А.М., Кузьма Алексеев: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 340 с. Мордов.-эрзя яз. Далее при цитировании иллюстративного материала будет указываться только страница.

выступают эмотивы, несущие информацию об эмоциях человека, о его внутреннем эмоциональном состоянии.

При обозначении эмоций в эрзянском языке участвуют различные части речи: имена существительные, имена прилагательные, слова категории состояния, глаголы, наречия. Кроме них, большую роль играют междометия.

Объектом нашего исследования стали эмотивные междометия в романе «Кузьма Алексеев» (1998). Он является одним из самых значимых литературных творений А. М. Дорониной. В произведении речь идет о жизни эрзян-язычников Нижегородской губернии XIX в. В 2000 году за его создание автор удостоен премии финского Общества М. А. Кастрена (Хельсинки).

Как известно, междометия являются одним из основных средств выражения внутреннего состояния человека или его отношения к окружающей действительности. С точки зрения Л. К. Парсиевой, они «представляют собой языковую универсалию, связанную с эмоциональной сферой человека, и отличаются от других языковых единиц необычным фонетическим оформлением, семантико-стилистическими особенностями и специфической функцией в речи» [4, 6].

Еще в конце XX века С. Карцевский писал, что «<...> междометия не пользуются вниманием со стороны лингвистов, и если кто-нибудь захочет составить о них более глубокое представление, он столкнется с серьезными трудностями» [2, 128], так как в системе языка междометия значительно отличаются от других типов языковых единиц по своим грамматическим признакам и по своей функции в речи. Это краткие, мгновенные эмотивные формы выражения отношения говорящего к ситуации общения. Исходя из этого, авторы учебника «Современный русский язык» справедливо подчеркивают, что «<...> основу междометий как части речи составляют междометия эмоционального типа; именно они в полной мере выражают частеречное значение данного грамматического класса слов. Императивные междометия объединяют свойства междометия и глагола. Эмоциональность этикетных междометий обычно нейтрализована предсказуемостью их употребления в коммуникативных ситуациях определенных типов (в речевых актах приветствия, прощания, благодарности, и пр.)» [6, 352].

Междометия относятся к лексическим эмоционально-экспрессивным средствам. Кроме того, они обладают рядом коммуникативных функций, способны представлять высказывание абсолютивно, не нуждаясь в синтаксической поддержке речевой цепочки. Так, например, Н. И. Рузанкин, рассматривая эмотивные конструкции в современном эрзянском языке, подчеркивает: «В художественном произведении экспрессивные слова являются непосредственными выразителями симпатий и антипатий, состояний и реакций персонажей, а подчас и самого автора» [5, 37].

При классификации эмотивных междометий эрзянского языка по определенным группам возникают некоторые трудности. Это связано с семантической зависимостью от контекста. Наиболее полную и точную классификацию мы находим в учебнике для вузов «Эрзянь кель. Морфология» [7, 269]. Мы придерживаемся данной классификации, однако в состав эмотивных междометий не включаем этикетные. Мы согласны с популярной в современной лингвистике точкой зрения, которая относит этикетные слова и выражения к отдельной группе.

Все эмотивные междометия, используемые А. М. Дорониным для создания выразительности текста в романе «Кузьма Алексеев», по нашему мнению, подразделяются на четыре группы.

Первую группу составляют междометия, которые выражают радость, восхищение, одобрение, восторг, веселье. Они являются самыми важными элементами коммуникации, так как позволяют собеседникам понимать и учитывать интересы друг друга. Для выражения этих эмоций автор в своём романе чаще всего использует:

Вай «Ой!», «Ох!» (одно из наиболее часто используемых автором междометий): *Вай, кодат оевть пачалгсетне!* (с. 38) «Ох, какие блины вкусные!»; *Вай, кодамо келей – истя чадыведне Равоськак а сырси!* (с. 160) «Ой, какая широкая, – такой даже Волга при половодье не бывает»; *Вай, ды сон паро мацейшка! – вастомантень кеняргадсь Миколь* (с. 195) «Ой, да она с размером гуся будет! – обрадовался встрече Миколь».

Некоторые междометия данной группы автором используются в единичных случаях. К ним относятся:

А, А-а-а: А, оно мейсэ теvesь, – пейдезевсь Миколь (с. 107) «А, вот в чем дело, – улыбнулся Миколь (Николай)»; – *А-а-а, вадря-я-я, – мерсь Бурнаев ды вадяштызе валновозь меишенть* (с. 314); – *А-а-а, хорошо-о-о, – сказал Бурнаев и погладил свою намоченную грудь*;

Эка. В Эрзянско-русском словаре «эка» определяется как частица, которая «перед просительно-относительными местоимениями и местоименными наречиями усиливает выражение удивления, насмешки, досады и т. д.» [8, 773], однако, на наш взгляд, она обладает двойственной природой и в конкретных речевых ситуациях выполняет функцию междометия: *Эка, кодамат виеват ды тантеят, – ней Корнилий инась пуренть эйсэ* (с. 216) «Эка, какая ты крепкая да вкусная, – теперь Корнилий хвалил медовуху; – *Эка, ёжсов ривезькай, – каштом рунго авась мик стясь таркастонзо* (с. 337) «Эка, хитрая лисица, – женщина с широкой фигурой даже привстала с места»;

Ух: Ух, аволь ушо, мерят, аштесь вальмало – уштозь каштом! (с. 191) «Ух, не улица словно была перед домом – печка топленая!»;

У-ох: Ды те Равось! У-ох, кодамо келей-кувака! А онкстави <...> (с. 211) «Да это Волга! У-ох, какая широкая и глубокая. Не измерить <...>»;

Э-э: Э-э, Листар кишинь тертьстэяк оргоди! (с. 209) «Э-э, Листар даже из железного плена вырвется!»;

Я: – Я, те аберянь мелесь, – кеняргадсь Миколь (с. 102) «– Я, это неплохая мысль, – обрадовался Миколь».

Ко второй группе относятся эмотивные междометия, выражающие удивление, смешанное со страхом, тревогу. В произведении А. М. Доронина их также достаточно много. Среди междометий этой группы наиболее часто в тексте романа встречаются:

Вай! «Ой!»: Вай, Адуш? Аволь овто эйс эртеvesь? (с. 345) «Ой, Адуш? Случайно не с медведем столкнулся?»; *Вай, зярошка апаро сявордынь эсень лангс, – эськанзо мелявтозевсь полковникесь* (с. 332) «Ох, сколько же греха свалил на себя, – запечалился полковник»; *Вай, куватьсь кирдевинь, – стясь <...> тейтересь* (с. 107) «Ох, надолго засиделась, – встала <...> девушка». Для усиления эмоциональности текста автор время от времени междометие *вай* «ой» делает парным: *Ней уш лишмесь дубордомодояк лоткась. Цёрась эцесь пекензэ алов, кундызе ды – вай-вай! – эсензэ сядвикс лангс* (с. 157) «Теперь уже лошадь и топтаться перестала. Парень залез под его брюхо, схватил и – ой-ой! – на своё плечо!»;

Вый! «Ох!»: Вый! <...> – понкстнэ алкукскак поки варя мартольть (с. 35) «Вый! <...> – штаны и правда были с большими дырами!»; – *Вый, ды те некак тон, Кузьма Лексеич? – потазевсь Перегудовгак* (с. 326) «Вый, да никак это ты, Кузьма Лексеич? – даже остутился Перегудов»;

А-а!: – *А-а, а мон арсинь, кодамояк сюнав татар тензэ совсесь, – шождасто таргизе оймензэ Виртян* (с. 44) «– А-а, а я думал какой-нибудь богатый татарин к нему заходил, – с облегчением выдохнул Виртян»; *А-а, ды сон уш поровт икеле!* (с. 133) «А-а, да он уже у порога!» *А-а, оно мейсэ тувталось <...>* (с. 149) «А-а, вот в чем причина <...>»;

Ох!: *Ох, тирякай, озксонь моравтыцят ютыть!* (с. 89) «Ох, кормилица, отпевающие идут!»; *Ох, авакай-тирякай, ды кодат удомат, зярдо седей ало ризксэнь толбарго гувкаи, – кувсезевсь авась* (с. 33) «Ох, матушка-кормилица, да какой там сон, когда сердце огонь тоски сжигает»; *Ох, авакай-тирякай, ды лади эль?* (с. 82) («Ох, мать-кормилица, да разве так можно?»);

Эка!: *Эка, тундонь празник токась, тесэ чаво кевкстемат <...>* (с. 40) «Эка, весенний праздник наступил, а здесь пустые вопросы <...>»; *Эка, авакалевкс <...>* (с. 63) «Эка, маменькин сынок <...>»;

Эх!: *Эх, Охоня, сювозь коня, ёжовчись пильге синтремань сэдть стявтни!* (с. 24) «Эх, Охоня, заостренный лоб, хитрость беды порождает»; *Эх, христиант, пежетенк кисэ пандодо! <...>* (с. 157) «Эх, христиане, за свои грехи платите! <...>»;

Эйти! / Эйте!: *Эйти, ды веленетнеде губерниясонть оно зяро!* (с. 195) «Эйти, да сёл в губернии полным полно!»; *Эйти, а мезе тосо ёвтыть тенек?* (с. 202) «Эйти, а что нам там расскажут?»; *Эйте, истя иля тейне!* (с. 189) «Эйте, так не поступай!»;

Я!: – **Я**, видельть улконь валот: кемть аволь сенень, кинь вечксак, сенень кемть, кие тонь вечктянзат (с. 79) «Я, правильные слова тогда говорил: верь не тому, кого любишь, а тому, кто любит тебя»; **Я**, мекс чатьмоня, – абунгадсь Кузьма (с. 109) «Я, почему молчишь, – удивился Кузьма».

Для передачи двойственного, смешанного чувства автор использует сочетание междометий: **Эх-ух**, кадсынъ кудон-чим, степев айгорсонть оргодян, – марямга ёвтызе салавань мелензэ (с. 23) «Эх-ух, оставлю отчий дом, в степь на своем жеребце поскачу, – озвучил свои тайные желания»; **И-эх**, эйкакиш-накишат тустъ – кургозост суронь тонгомо а кенерят – сеске пейсэ сезьсызь (с. 25) «И-эх, детки пошли, – не успеешь палец в рот засунуть, – сразу отгрызут»; **«И-и-вай!»** – ансяк серьедевь, ды сеске машись ёжозо <...> (с. 175) «И-и-вай!» – только успел вскрикнуть, да сразу потерял сознание <...>».

Особенностью третьей группы эмотивных междометий является то, что с их помощью транслируются душевное беспокойство, смущение, стеснительность, испуг, страх. В тексте романа эти состояния передаются следующими лексемами:

Вый: – **Вый**, кода тандадынъ! **Вый!** – Зосим кавонест кедтнесэ кундызе коникень трокскентъ <...> (с. 372) «– Вый, как испугался! Вый! – двумя руками ухватился за деревянную кровать Зосим <...>»; **Вы-й!** – Наста тандадозь потазевсь кенкишентень (с. 363) «Вы-й! – Наста испуганно попятилась в сторону двери»; **Вый**, тунъ стувтынъ, – аймельгадсь пакишась! (с. 48) «Вый, совсем забыл – разволновался ребенок!»;

Э, Э-э: **Э**, брат, сон бояронъ уре, истамонть семиязо укскэ пизень кондямо, – стакасто укстазевсь (с. 65) «Э, брат, он раб боярский, у такого семья похожа на осиное гнездо»; **Э-э**, ды те аволь пожар, – аймельгадсь Хвалынский (с. 331) «Э-э, да это не пожар, – заволновался Хвалынский»; **Зяро** мелеть сынст мерькак, лишмесэ-нурдосо чалгсек, а вана пурнамс – **э-э**, тень кисэ череть раздесызь! (с. 96) «Сколько хочешь их мни, лошадьми-телегой топчи, а вот собирать – э-э, за это волосы вырвут!»;

Ох-вах: **Ох-вах**, эрямось – домка лей, ведьалксонь велямканзо а невявить, аздат, кодамо сэръс таргатамзат (с. 53) «Ох-вах, жизнь – река глубокая, пороги и течения её не изведаны, не знаешь, на какую глубину тебя за собой утащит»; **«Ох-вах, эрямост стакадо стака»**, – луга лангов илёвсо реветненъ панемстэ, ризнэсь пакишась (с.48) «Ох-вах, очень тяжела их жизнь» – загоня на луг стадо овец, задумался паренек»;

Эка: **Эка** <...> Ды мезеяк, Зосимень озноманъ уяскаськак саты (с. 71) «Эка <...> Да ничего, молитвами Зосима проживем как-нибудь»; **Эка**, оргодемс те кендял пизэстэнтъ – ды тов, косо панжозь мода лангонть олязо-долязо, – менсь Зосимень кельбрысто (с. 72) Эка, сбежать бы с этого клоповника – да туда, где открыта волюшка земная, – вырвалось из уст Зосима»;

А-а: **А-а**, кискань эрямо! (с. 208) «А-а, жизнь собачья!»; **А-а**, теде кувать ёвтнемс, – мельтеме ёртсь Уля ды сонсь кевкстизе: – Кода леметь? (с. 212) «А-а, долго про это рассказывать, – без желания бросила Уля и сама спросила: – Как твое имя?».

Четвертая группа состоит из эмоциональных междометий с ярко выраженным отрицательным оттенком. В тексте романа они выражают злорадство, насмешку, отвращение, не любовь, гнев, злобу, среди них одним из основных, безусловно, является эмоция «недовольство». Её функция состоит в том, что она помогает объекту дать понять собеседнику о своих желаниях, служит средством представления негативного отношения к какому-либо персонажу или ситуации и эмоционально отрицательного состояния субъекта:

А, А-а: Простямак, кода тонеть Сеськинасо мерить?<...> **А, озатя!** (с. 155) «Как там тебя в Сеськине величают? <...> А, жрец!»; **А-а**, купецесь кементъ утомт пугы, ахолдась кедьсэнзэ Вавила (с. 152) «А-а, купец десять таких амбаров построит, отмахнулся рукой Вавила»; **А-а**, икелепелев а кармить эцеме! (с. 154) «А-а, больше не будут лезть!»;

И-и: **И-и**, муевсь сюронь кастыцясь! – буркстась Лавро ды кекишь крежа лавтов нуцьканзо экиш (с. 28) «И-и, тоже мне хлебороб! – пробормотал Лавр (Лавро) и спрятался за широкоплечим внуком»; **И-и**, властенек каршо молят! (с. 367) «И-и, против власти идешь!»; – **И-и**, прят эйсэ парсте ветяк! Минь тесэ петь мусынек! (с. 368) «– И-и, води себя хорошо! Мы здесь твой конец найдём!»;

Эка: **Эка**, салонъ микинешъ сюпалгадсь ды уш мондень покшокс прынзо лови (с. 127) «Эка, на продаже соли разбогател и теперь уж выше меня себя ставит»; **Эка**, кодамо чаволат тон, – князесь сурсо нерькстызе кирьгас (с. 163) «Эка, какой ты бестолковый, – воткнул

пальцем в его горло князь»; *Эка, кудо-дворецэзэст солдатонь полк кельгствяви, тесэ вейкине тейтеренстэнь тарка графось а муи* (с. 243) «Эка, в его дом-дворец целый солдатский полк можно разместить, а здесь единственной дочери граф места не может найти»;

Ужо: Ужо, мон эрямонь петь муса! – сговордынзе Филипп кувалдашка мокинанзо ды невтсь стенанть пелев (с. 35) «Ужо, я найду конец твоей жизни! – зажал Филипп кулак с кувалду и показал в сторону стены»; *Ужо, мон тонавттан*, – кудов мекев ардомсто, эськанзо мурнесь *Грузинский* (с. 128) «Ужо, я тебя проучу, – возвращаясь домой, про себя бормотал Грузинский».

В единичных случаях используются:

И-их: И-их, Зосимень оймезэ рудазов! (с. 77) «И-их, душа у Зосима грязная!»;

Э-э: Э-э, ормазат, мезень кисэ сюлмсинк Листаронь?! (с. 171) «Э-э, сумасшедшие, зачем связали Листара?!»;

Эх! Эх, а вечкса мон теленть, кельме ловсо вельтязь пандо эленть, – рунгонь сэставтозь, мерсь Любава (с. 101) «Эх, не люблю я зиму, холодным снегом покрытую землю, – потягиваясь, произнесла Любава».

Особенностью данной группы является то, что в качестве междометий с негативным эмоциональным оттенком могут выступать слова, перешедшие из других частей речи. Они, выполняя функции междометий, становятся ими: *Ды, ох-вах, Охонька цирьсэ аварьгадсь. Нолготуло!* (с. 24) «Да, ох-вах, Охонька в слёзы. Сопляк!».

Таким образом, для создания эмоциональности, образности, выразительности А. М. Доронин в романе «Кузьма Алексеев» использует эмотивные междометия различных групп. Среди них наиболее употребительны междометия второй, третьей и четвертой групп. Междометия первой группы встречаются гораздо реже, что объясняется спецификой данного произведения. Отметим, что анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что одно и то же междометие в разных речевых ситуациях способно передавать различные, а бывает даже противоположные эмоции. Например, междометие «*вай!*» может передавать радость, тревогу, испуг, страх, гнев, злобу и другие чувства. Это объясняется способностью человека испытывать одновременно разные эмоции, которые определяются по реакции на наиболее типичные эмоционально значимые стимулы. На качество передаваемой эмоции влияют контекст, интонация, внутреннее эмоциональное состояние.

Литература

1. Изард К. Е. Эмоции человека. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1980. 439 с.
2. Карцевский С. О. Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 127–137.
3. Малинович Ю. М. Экспрессия и смысл предложения: проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1999. 213 с.
4. Парсиева Л. К. Система междометия в общей парадигме языка (на материале осетинского и русского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Владикавказ, 2010. 42 с.
5. Рузанкин Н. И. Эмотивные конструкции в современном эрзянском языке. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т., 2008. 296 с.
6. Современный русский язык: учебник / П. А. Лекант [и др.]. М.: Дрофа, 2007. 560 с.
7. Эрзянь кель: Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузонь эрзянь ды финнэнь отделени-янь тонавтницянтень туртов / редкол. : Д. В. Цыганкин (отв. ред.), Н. А. Агафонова, М. Д. Имайкина [и др.]. Саранск, 2000. 280 с.
8. Эрзянско-русский словарь: ок. 27000 слов / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской ССР; под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М.: Рус. яз.; Дигора, 1993. 803 с.